

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

МАЙСКАЯ НОЧЬ,
ИЛИ УТОПЛЕННИЦЫ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Евгений Юрьевич Лукин
Майская ночь,
или Утопленницы
Серия «Капитаны русской фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802840

Майская ночь, или Утопленницы:

ISBN 978-5-222-40794-3

Аннотация

В новый авторский сборник замечательного отечественного писателя-фантаста вошли повести «Майская ночь, или Утопленницы», «Андрюиды срама не имеют» и подборка рассказов. Эта книга – настоящий подарок всем ценителям интеллектуальной фантастики. Все произведения отличаются потрясающим реализмом, увлекательным сюжетом и, конечно, искрометным юмором. Большая часть произведений, вошедших в сборник, публикуется впервые.

Содержание

Майская ночь, или Утопленницы	5
Пролог	7
Глава 1. Настина голова	18
Глава 2. Волкодир	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Лукин

Майская ночь, или Утопленницы

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Текст: Евгений Лукин, 2023

© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Майская ночь, или Утопленницы

Байка в восьми главах

с прологом и эпилогом

*Посвящается Дмитрию Николаевичу
Садовникову и всем собирателям народных
преданий*

Пролог

А началось с того, что поперся я с пьяных глаз напрямик. Напрямки, как принято в здешних краях выражаться. Засиделся на даче у приятеля, приняли изрядно, а ночь выпала такая, что травка вся луной на стебельки разобрана, никаких фонарей не надо. Ну и чего, спрашивается, крюк давать – до самой дамбы чапать? Участки наши, правда, разделены ериком, но он вроде неглубокий, перебреду как-нибудь.

Ерик шевелил лунными бликами. Там, где я к нему вышел, его перемыкал тростниковый заборчик, не достающий, впрочем, ни до того бережка, ни до этого. Подобные изгороди у нас ставят для зимнего лова и только на мелководе. «Вот вдоль него-то и переберусь», – решил я.

Разделся до трусов, снова влез в пластиковые шлепанцы, сгреб одежду и, заранее содрогнувшись, ступил в майскую холодрыгу. Оказалось глубоковато. Но не возвращаться же! Воздев к луне правую руку с барахлом и хватаясь левой за щетинистую тростниковую плотинку, – побрел. Погрузился по пояс, потом по грудь, оперся сильнее, нежели следовало, – и шаткое, осенью еще связанное сооружение не выдержало.

С гулким русалочьим всплеском я повалился вслед за выпавшим звеном, отчаянно пытаюсь уберечь от влаги свои пожитки. Не уберег, промочил насквозь – и впал в неистовство.

Ну не уроды, а? Связать как следует – и то не умеют! Хо-

рошо хоть телефон дома забыл... И начал я, каюсь, ветхую эту загородку пинать.

Потом внезапно озяб.

– Пошто учуги рушишь? – прозвучало из лунной выси.

Негромко прозвучало, но грозно. Застигнутый с поличным, я поскользнулся на илистом дне, потерял шлепанец и вновь ухнул плашмя в сверкающую ночную стынь с одной-единственной мыслью: а стоит ли теперь вообще выныривать?

Вынырнул. Кое-как нащупал ногами опору, выпрямился, сотрясаемый ознобом. На правом берегу в просторной зеленоватой от луны рубахе одиноко стоял кряжистый старикан с долгой бородой того же оттенка – возможно, владелец порушенной изгороди. Выглядел он довольно зловеще, однако темнота, залегшая под сурово сдвинутыми бровями, могла таить все что угодно. В том числе и простое человеческое любопытство.

Учуги... Читать-то я это слово читал, правда, забыл, что оно значит, а вот в живой речи услышал впервые. Скорее всего, в виду имелась поврежденная мною конструкция. Местные жители называли такие тростниковые заборчики – «катцы́». Или «катцы́». За правописание не поручусь. Но уж никак не «учуги».

Поймал всплывший шлепанец. Обуть не решился – с равновесием было плохо.

– Чего сразу «рушишь»?.. – обиженно возразил я. – Пере-

ходил с той стороны... дно скользкое – ну и...

Старик усмехнулся.

– Спужался, дуралей?

– Так это не ваше? – спросил я с надеждой.

– А то... – проворчал он. – Ты это... или доламывай, или вылазь давай.

Я предпочел вылезти. Кажется, серьезной разборки не предвидится. Ну и на том спасибо.

– Толкуй таперь, – насупившись, велел он. – Пошто?

– Ну сам смотри, отец! – вскричал я. – Совсем уже совесть потеряли! Сетки ставят, с бреднями шастают, ерики теперь перегораживать наладились... Вот куда рыбнадзор смотрит?

– Рыбу жалеешь?

– Жалею!

– А у самого, чай, тоже снасть стоять... – поддел пронизательный старикан.

– Да ни в жисть! – побожился я, невольно подлаживаясь под странноватый его говор. – Отродясь не ставил!

В самом деле странноватый. Словечки были как будто надерганы из разных диалектов, и речь звучала несколько нарочито. Впрочем, сейчас многие из себя станичников корчат: в прошлом месяце задержала, помню, полиция одного такого на проспекте – звук «г» произносил по-казачьи. И произнес-то всего-навсего: «загибал». Громко произнес, во всеуслышание. Приняли за мат, штрафанули. И поделом! Потому что настоящий хуторянин сказал бы: «загинал».

Но старикан-то вроде не из этих... не из ряженных. И все равно присутствовало в нем нечто театральное. Уж больно величествен.

– Ладно, верю... – вздохнул он. Потом глянул искоса и сообщил как бы по секрету: – Сам учугов этих разорил – не перечеть.

После такого признания я, честно сказать, опешил.

– Тут?

Зеленоватые в лунном свете усы и верхняя часть бороды шевельнулись в ухмылке.

– Да и тута тоже...

Грандиозный дед. Только вот откуда он такой взялся? Совершенно точно, что не дачник, – видимо, из Красного Стрежня, иначе бы я его знал. И все-то в нем какое-то было преувеличенное: ручищи, плечищи, бородища. А уж грудные мышцы... Не то что культуристы – иная баба позавидует.

– Трясесси, цуцик? – не без злорадства осведомился эпический старикан. – Айда ко мне – согреисси...

– Да у меня дача рядом...

– Нишкни! – прикрикнул он. – Я ишшо не каждого к себе пушшу!

Вона как! Мне, получается, честь оказывают, а я кобе-нюсь...

– Н-ну... х-хорошо... – пробормотал я. – Спасибо, конечно, но... как скажете...

И двинулись мы в неизвестном направлении. «К себе...» Интересно, куда это «к себе»? В Красный Стрежень? Да ладно! До него чуть ли не километр...

Впрочем, вскоре я сообразил, что идем мы напрямиком к дачам. «Так это ж новый сторож! – осенило вдруг. – Наняли наконец! Наверное, в Красном Стрежне и наняли... Но до чего ж колоритен!»

В светлой ночи проступили пыльно-серые очертания ближайшего домика, однако шагов через десять со мной приключилось некое наваждение: лунное марево словно бы растворило и крышу, и штакетник, а взамен вылепило каменистый бугор, совершенно неуместный в наших песчаных краях. Остановился, тряхнул головой. Бугор не исчезал. Мало того, обозначилась в нем дыра, и трепетало в той дыре нечто розовое. Вроде бы костерок.

Тут я чихнул, но даже и после этого видение не сгнуло. – Салфет вашей светлости! – ехидно пожелал мне сторож.

* * *

Куда делся дачный поселок, сказать трудно. Мы стояли посреди лунной слегка всхолмленной равнины, вдалеке поблескивала большая вода – предположительно, Волга. Впереди, как упомянуто выше, горбился дырявый курганчик с костерком внутри. Не то пещера, не то землянка.

Разумеется, я был потрясен. Потрясен и подавлен. До сей

поры мне представлялось, что так называемый цыганский гипноз действует лишь на доверчивых впечатлительных людей, на всяких там мистиков и простофиль, к каковым я себя, сами понимаете, не причислял. И вот на тебе!

Стало быть, не пятьдесят шагов прошли мы с дедом, а гораздо больше: миновали дачи, углубились в степь, и все это время я, получается, пребывал в беспомощности. Согласен, крепко был выпивши, однако после вынужденного купания в ерике неминуемо протрезвеешь. Иными словами, нет у меня смягчающих вину обстоятельств.

Ай да старикан! С таким ухо держи востро!

– Заходь... – зычно приказал он.

Податься некуда – приходилось принимать случившееся как оно есть. Я приблизился к дыре и опасно заглянул внутрь. Да нет, никакая не землянка – именно пещера. Посерединке трепыхался обложенный камнями костерок, бросая отсветы на бугристые стены и ничем не укрепленный свод, с которого, между прочим, свисал на двух оббитых до блеска цепях замшелый бочонок. Весь, кстати, во вдавликах, словно по нему ломом колотили.

Этак ведь и обрушить можно пещерку-то...

Прочие бочки, насколько я мог разглядеть, в количестве четырех-пяти штук стояли как попало у стен, причем самая широкая и приземистая была накрыта большой почерневшей иконой, а на самой иконе лежал огромный старинный пистолет – чуть ли не с колесцовым взводом.

Прямо разбойничье гнездо какое-то.

– Ну чаво опять стал? – загремел на меня хозяин всей этой оперной бутафории. – Безлошадного драгунского полку пеший ездовой! Седай!..

Рядом с очажком располагались две плахи, на одну из которых я и присел не без робости. Любопытно, что с одежды, которую я держал в руках, еще капало. Стало быть, не так уж и далеко мы с ним забрели. Машинально принялся отжимать, а сам оглядывался украдкой.

А ведь пожалуй что и не бутафория. Пистолетище, например, вполне достоверный – если и копия, то очень точная (на мой, разумеется, дилетантский взгляд).

В колеблющемся розоватом сумраке я не сразу увидел, что глиняный пол пещерки застлан огромным, возможно, персидским ковром, середина которого была варварски вырезана или, точнее, вырублена – как раз под размер очажка.

Хозяин тем временем, усевшись напротив, разглядывал меня из-под насупленных седых бровей. Долго разглядывал. Потом спросил:

– В икону стрелить будешь?

Я вздрогнул и чуть не выронил недовыжатое барахло.

– Зачем?

Старик моргнул. Похоже, удивился.

– Клад тебе дается... – озадаченно пояснил он, окинув огромной корявой пятерней полпещерки. – Нет, ну, знамо, не весь... Чаво унесешь... Стрели давай! Иначе не взять...

Вот уж воистину клин клином вышибают. Самое бы время решить: не во сне ли я обретаюсь и не попробовать ли мне проснуться, – но предложение выстрелить в икону прозвучало столь кощунственно, что тут и во сне возмутишься.

– Так! – решительно сказал я. – Дед!.. Ты соображай, что говоришь вообще! А если б я был верующий?

– Не веруешь? – с любопытством осведомился он.

– Нет.

– Ни в Бога, ни в черта?

– Ни в Бога, ни в черта!

– А во что тады?

– В то, что вижу, слышу... осязаю... Да и то не всегда.

– А-ха... В меня, стал-быть, веруешь?..

– Куда ж я денусь? Вот он ты, передо мной...

По-моему, старикан остался доволен услышанным. Приосанился, встал, прошелся по дышащему пылью ковру. Даже бородищу свою огладил. Потом покосился лукаво.

– Чаво ж не стрелил, раз не веруешь? – уличил он меня.

– Ну так другие-то – веруют, – объяснил я. – Зачем мне их обижать?

– Вишь какой! – подивился старик. – Хошь с колокольной кидай...

Задумался, покачал головой. Голова у него тоже была вполне былинная – как у Тугарина Змеевича, с пивной котел. И воля ваша, а веяло от грозного старца некой первобытной силой, внушавшей мне легкий трепет.

– Ай, ладно! – беспечно молвил он. – Не хошь стрелить – не надо. Я седни добрый. Сколь унесешь – все твое...

Э, нет! После фокусов с цыганским гипнозом я уже был настороже.

– Да не буду я ничего выносить! – нервно отозвался я. – Других вон разводи!

– Чаво? – не понял он.

Или, подозреваю, сделал вид, что не понял.

– Дед! – взорвался я. – Да что ж ты меня за лоха-то держишь?

Расхрабрился? Да, расхрабрился, но, уверяю вас, исключительно с перепугу.

Кстати, «лох» не смутил его нисколько. Как выяснилось, словцо это старикан знал хорошо.

– Пошто ж за лоха? – оскорбился он. – Я к тебе со всей душой...

– Ага! Со всей душой!.. – огрызнулся я. – За соккрытие найденного клада, между прочим, и загрести могут... Недавно вон суд был над черными археологами!

Пещерный дед резко повернулся, уставился.

– Над кем?

Я объяснил. Он малость отмяк.

– А, энти... Знаю. Давеча пугнул одного... А про Анчихриста ничо пока не слыхать? – тревожно спросил он чуть погодя. – Не объявлялся ишшо?

Несколько мгновений мы неотрывно смотрели друг на

друга. Забрехала догадка. Были ведь случаи, когда в тайге обнаруживались целые семейства староверов, бежавших от патриарха Никона, потом от Петра и с тех самых пор триста с лишним лет ни разу не видевших ни единой живой души. Ковыряли сохой землю, питались чем бог пошлет, чаяли скорого конца света, ждали, что вот-вот придет в треклятой своей телеге об одной оглобелке враг рода людского...

Догадка, прямо скажем, хиленькая. Одно дело – тайга, и совсем другое – Нижняя Волга. Попробуй здесь утаись на триста лет! Мигом выявят.

И потом с чего бы отшельнику-старообрядцу подбивать дорогого гостя на этакое бесчинство – в икону пальнуть из пистолета? Хотя... Не исключено, что образ-то еретический, никонианский, по греческим канонам малеванный...

Да и клад в эту картину не вписывался. А вписывался он, между прочим, совсем в иную картину, не помню, правда, в какую. Где-то я что-то когда-то подобное читал. Почему-то была мне знакома и пещерка, и замшелый приземистый бо-чонок, накрытый иконой, и лежащий поверх нее древний пистолет...

– Антихрист?... – осторожно переспросил я, а сам все пытался восстановить читаное. Не восстанавливалось. В памяти по-прежнему зияло обширное слепое пятно. – Да нет вроде, не объявлялся...

– Ну, може, похожий кто...

– На Антихриста? – Я запнулся. Все известные мне поли-

тические деятели смотрелись мелко и на столь серьезную роль явно не годились.

Однако стоило мне на них отвлечься, слепое пятно исчезло – и память как бы вывернулась наизнанку, предъявив разом и пещерку, и бочки с награбленным золотом, и лежащий поверх иконы пистолет. Изумление мое было столь велико, что даже робость перед древним хранителем клада отшибло напрочь. Я поймал себя на том, что гляжу на него во все глаза – и хихикаю самым неприличным образом.

– Дед! – выговорил я. – Слышь... Хорош под Стеньку Разина косить! Все равно ведь не поверю...

Он обернулся – и я умолк. Взор старика был жуток.

Глава 1. Настина голова

В шайке малолетнего Стеньку уважали – знали, что дурак, береглись. Ты ему слово, а он тебя – кистенем. В разбойники проситься пришел – решил его атаман попытать: способный ты к душегубству, али как? Иди, говорит, покажи себя, каков ты охотник на дикую птицу о двух ногах. Ради смеху, понятно: малец, пятнадцать годков, куда ему! Пошел. Вернулся с платом, а в плат голова девичья завернута, да такая личиком раскрасавица, что крякнул атаман:

– И как только у тебя у Ирода рука поднялась?

А вьюнош этот смотрит и вроде бы не ухватит никак, об чем толк.

– Так и поднялась, – отвечает. – Сабельку перекрестил, помолился: помоги-де, Боженька, булату моему...

– Денег-то хоть много взял?

Изумился Стенька, глянул с укоризной. Ты, дескать, чаво, атаман? Каки-таки деньги? Об деньгах и уговору не было.

Тут-то и смекнули разбойнички, кого к ним Волга при-мыла.

Встрял есаул (сам из татар):

– Перва встреча, – толкует, заступничает. – Перву встречу и без денег режут. Иначе счастью не бывать.

Насупился атаман. Один глаз прикрыт, другой мигает – и под глаз тот лучше не попадать, потому как атаман Ураков

еще и чародейству был учен.

– Кем служить мыслишь? – спрашивает.

Стенька возьми да и брякни:

– Кошевым.

Усмехнулся Ураков:

– Ишь! Кошевым!.. Тебе тута чаво, Запорожска Сечь? Кашеваром будешь.

Посопел малец, согласился.

А каша у него завсегда пригорала. Хотел его есаул уму-разуму поучить, а тот его уполовником! Заступника-то своего.

* * *

Хворосту в костерок не подбросили ни разу, но он почему-то все не гас и не гас. Огромная сутулая тень трепетала на бугристой стене пещерки.

– Степан Тимофеевич, – жалобно сказал я. – Но ведь ничего этого не было...

– Чаво не было? – встрепенулся старик.

– Атамана Уракова не было... Головы отрезанной не было... Это ж народное сказание...

– Народу не веришь? – Седые брови шевельнулись угрожающе.

Народу... Тут себе-то поди поверь! Смириться с происходящим означало признаться в собственном сумасшествии.

«Больной! – вспомнилось вдруг. – Не занимайтесь само-

лечением!»

И поступил я подобно старой моей знакомой. Грибочки она любила. Нажарила однажды целую сковородку, отведала – и чувствует: траванулась. Вызвала «скорую», отомкнула входную дверь, а сама села доедать – уж больно вкусно было. Все равно ведь приедут – откачают.

Так и я. Мысленно пообещал себе непременно показаться, вернувшись в город, дружку-психиатру, а сам с замиранием продолжил беседу.

Независимо от того, представлял ли собой старикан физическое явление или же существовал исключительно в моем мозгу, кое-какие выводы из его речей прямо-таки напрашивались. Было уже, к примеру, ясно, что передо мной отнюдь не историческая ипостась Стеньки Разина, а именно фольклорная, хотя еще поди пойми, которая из них хуже.

– Степан Тимофеевич! Я ведь это все у Садовникова читал...

– Садовников?.. – озадаченно переспросил он. – Чавой-то не помню...

– Да как же вам его помнить!.. – вскричал я, истово прижимая к голой груди влажную одежду. – Он аж через двести лет родился после того, как вас... на Красной площади... ну... четвертовали...

– Четвертовали, да не того... – зловеще усмехнулся старик. – Четвертовали они... Мне Богом суждено до последнего дня клады хранить да от змеев страдать... Ну и чаво он?

Этот твой Садовник...

– Книжку издал, – растерянно сказал я. – «Сказки и предания Самарского края». Песню про вас сочинил... «Из-за острова на стрежень...»

– А-а... – смягчился, покивал. – Песню слышал... – вздохнул и добавил сокрушенно: – Раньше-то ее чаще играли...

– Так что у вас на самом деле вышло? С девушкой этой...

– С которой?

– Ну... чья голова...

А сам подумал: во даю! Допытываться у легенды, как оно все было не по легенде, – до такого еще додуматься надо!

– С девкой-то? – Совсем закручинился старик, брови свесил. – С девкой оно, конечно, все поиначе... Иду энто я в ту сторону, куды атаман велел, а сам мамыньку с тятенькой споминаю. Не стерпел – заплакал. Малой был ишшо... Тут она. Я слезыньки-то утер, говорю: «Здравствуй, красна девица, перва моя встреча!» Шапку снял, перекрестился, вынул сабельку из ножны...

– «Взвилася могучая рука с вострою шашкой кверху...» – в восторге подхватил я, вспомнив, как там дальше.

Оказалось, не так.

– Ага... – враждебно отозвался старикан. – Взвилася она там! Развилася... Гляжу на нее, на девицу эту – и не жалаю в разбойники. К мамыньке с тятенькой жалаю...

– Ну? А она?

– Сперва вроде как спужалась...

– Вроде?

– А то! Спужашь таку...

Замолчал. Почему-то внимание мое привлекла глиняная плошка чуть ли не с тазик величиной, притулившаяся возле одной из бочек. Пустая. Для кого ж это, интересно, поставлено?.. А ведь по преданию один из Стенькиных кладов охраняется большим медведем... Вот только медведя здесь не хватало!

– Дальше-то что было? – спохватившись, прервал я затянувшуюся паузу.

– А сам смекай. Обычай каков? Первой встрече, кто бы ни был, голову долой... Ну тут чаво? Тут хитрость одна есть хитрая. Гляжу: шест лежит. Взял я его, смерил в рост девки этой, что лишнее – от шеста отсек, и ну его в мелку щепу сабелькой крошить... На удачу.

– А! То есть вы ее как бы... символически?.. Позвольте! А откуда ж тогда голова? Вы ж голову принесли... в плат завернутую...

– Ты слухай!.. Поглядела – руками сплеснула. «Болезный ты мой! Да куды ж те в душегубцы-то, недovyростку? Чаво те надо? Голову? На...» Береть, слышь, себе за уши – и голову-то, прикинь, с себе сымаеть...

– Да ладно!.. – вырвалось у меня.

– Вот те и ладно...

– А вы?

Покряхтел, одолевая неловкость.

– Абдраган вдарил.

– Кто-кто вдарил?

– Ужас объял, – угрюмо перевел он на общепринятый.

– А-а... как же... кровь?

Замолчал старик. То ли припоминал, то ли придумывал.

– Кровь была... – решил он наконец. – Но, знаешь, така... засохша уже... «На, – говорит, – отнеси атаману Уракову...»

– Стоп! – вконец утратив робость, перебил я. – Чем говорит? Она ж без головы...

– Ну, стал-быть, голову в руках держит, а голова говорит... «Отнеси, – говорит, – атаману Уракову, только верни потом. Плат не забудь...» – и даеть мне плат. Повернулась и пошла, безголовая... С тех пор и стали меня в шайке опасаться... А я вижу – уважають, ну и давай озорничать! То кистенем кого брязну, то уполовником... Вот они, бабы-то чаво творять, – крикнув, присовокупил он. – Все, почитай, беды от них...

* * *

Раздавшееся снаружи шипение было настолько громким и неожиданным, что меня подбросило с плахи. На границе кромешной черноты и подвижного розоватого полусвета обозначились две огромные змеи: одна черная, другая пестрая. Я не слишком хорошо разбираюсь в пресмыкающихся, но таких у нас точно не водится. Без пяти минут удавы.

– Полночь, что ли, уже?.. – недовольно спросил хозяин пещерки, тоже приподымаясь со своего седалища.

Я вспомнил, что сейчас должно произойти, и стало мне дурно. Согласно преданию, каждую ночь, едва пробьет двенадцать, к великому грешнику Стеньке Разину приползают эти исчадия ада и терзают – грудь сосут. Потому она у него и разбухла – в бабью. Таково уж ему наказание от Господа Бога.

– П-пошли... в-вон... – неуверенно выдавил я, метнув испуганный взгляд в сторону пистолета. К счастью, сообразил, что резких движений лучше не делать... Кроме того, оружие-то – историческое, я ж не знаю, как с ним обращаться! Если это вообще оружие...

Змеи вопросительно повернули друг к другу граненые головы. Похоже, мое присутствие несколько их смутило. Выскочили и спрятались раздвоенные язычки. Такое впечатление, будто рептилии коротко о чем-то посоветовались.

Степан же Тимофеевич тем временем грузной поступью приблизился к бочонку, возле которого стояла пустая глиняная плошка, и извлек с той стороны вполне современную пластиковую канистру. Отвинтил крышку, наполнил посудину всклень.

– Да все свои... – успокоил он приползших. – Снедайте... Пресмыкающиеся поколебались чуток, потом, решившись, устремились к вожделенному молочку. Припали к миске с двух сторон.

– Так вы тут... – начал я – и, не договорив, тяжело осел на плаху.

– Дык... за столько-то годков, – раздумчиво промолвил старик, завинчивая канистру и снова пряча ее за бочку, – свыкнесси, чай... сдружисси... Им-то, болезным, тоже ведь не мед... Это ж тока мстится, что терзать кого – удовольствие...

Вернулся, сел.

– А молоко откуда берете?

– Малец один приносит. С Красного Стрежня. Матря своейная коровенок держит...

Некоторое время мы с ним молча смотрели, как насыщаются обе inferнальные твари. Вскоре вычистили они площадку досуха, разочарованно потрогали язычками керамическое доньшко и, помедлив, отползли, словно бы выбирая, где прикорнуть.

– Так девка, выходит, колдунья была?

– Настя-то? Та ишшо... Спать не давала.

– Это как?

– Ну... жили мы в землянках всей шайкой. Я себе отдельно выкопал...

– А с головой-то что?

– Голова, в плат завернута, в уголке лежит. И наладилась она, ты слухай, со мной по ночам гутарить. «Эй, – надсмехается, – недоросток! Так и будешь атаману Уракову кашу варить? Самому в атаманы пора...»

– На карьеру подбивала? – рискнул пошутить я.

– А то! Я ж и толкую: все бабы, все от них... А Ураков, видать, подслушал. «С кем энто ты, – пытается, – по ночам балакаешь?» – «С мамынькой покойной, – вру, – да с тятенькой покойным...» – «А иде голову девкину дел?» – «Закопал с молитовкой...» – «Айда, – велит, – отроем...» Пошли на бугор...

– Это Настин, что ли, бугор? – уточнил я. – Тот, который вы потом битым стеклом завалили, чтоб блестел?

Собеседник уставился на меня с недоверием.

– А ты почем знашь?

– Да я там преподавал...

– Чаво делал?

– Детей учил.

– В бурсе?

– Н-ну... можно сказать и так... Восьмилетка... Верхняя Добринка Камышинского района.

– И чаво? До сих пор блестить? Бугор-то!

– Блестеть не блестит, а слухи ходят. И битого стекла там много. Копнешь – скрипит.

– Ну дак!.. – самодовольно ухмыльнулся он в бороду. – Три воза стекол туда ухнули... А возчикам серебром уплатили.

– Вы дальше, дальше! – изнемогая от любопытства, подбодрил я.

– Чаво дальше? – сердито ответил он. – Дальше ему...

Стали копать – ничаво, ясно дело, не выкопали. Ураков обратно меня пытатъ: «Иде голова?» – «Нету, – гутарю. – Видать, на сорок сажен в землю ушла...» – «Чаво б энто она ушла? – сумлевется. – Голова ж – не клад!» – «Как не клад? Покладено – значит, клад...»

Что-то скользкое и холодное коснулось моей голой ноги, и я чуть не заорал от неожиданности. Уставился, отшатнулся. Одна змеица (та, что пестрая) примасивалась поуютнее на моей правой ступне, лениво свертываясь в узел. Вторая подбиралась слева – явно с той же целью. «Как черная лента вокруг ног обвилась...» Я сидел ни жив ни мертв. Ужас объ-ял. Абдраган вдарил.

– На тепло ползуть... – с нежной грустью заметил старик. – Ты уж их не забижай, не брыкай. Пушшай подре-мюють...

– Ну и ползли бы к костру... – исступленно просипел я.

– Не-э... – Он лукаво качнул головой. – Обожгесси об ко-стер-то...

Нет, интересное дело! Сидит рядом великий грешник с пожизненным сроком вплоть до Страшного суда – вот и гре-лись бы об него... Хотя... Собирательный образ, легенда. Об нее еще поди погрейся! А тут живой человек пришел... теп-лый...

– Ты, знай, слухай... – отвлек меня плод народного (да и моего, надо полагать) воображения. – Смотрить атаман Ура-ков мигучим своим глазом – и все смыслит. «Ох, – толкует, –

и шельмец ты, Стенька... А ну кажи, чаво у тя там в балаганушке!» Ай, думаю, худо дело... Возвернулись в стан, слезли в яму. Глядь: нет головы! Плат на месте, а головы нету. Укатилась, видать, – почуяла...

Я, каюсь, слушал его вполуха – не до того было. Обездвиженный, почти парализованный, сидел и думал об одном: как бы невзначай не шевельнуться. Змеюки, кстати, оказались тяжеленные. Осторожно переместил барахло с колен под мышку – вдруг капнет на них, побеспокоит...

А старик, увлекшись, продолжал:

– Засмурел атаман. «То-то, – кумекает, – личико ейное знакомо показалось... Да уж, угораздило тя такую первую встречу сыскать... А плат-то чаво ж забыл? Голову прикопал, а плат забыл! Вернется ведь за платом... Ох, Стенька-Стенька! Натерписси ты от энтих баб...» Мудер был – ровно в воду глядел...

Глава 2. Волкодир

Чуть погода оба гада вроде бы придремали. Расслабился пестрый узел на правой ступне, потом и черный на левой. Бережно одну за другой высвободил я нижние конечности, встал. Босиком ступая по насквозь пропыленному коврику (вызволить шлепанцы не удалось), перенес свою плаху поближе к Стенькиной. Пальцы на ногах успели онеметь.

– Да ты одежонку-то свою развесь поди, – посоветовал хозяин. – Чаво жмешь! Нехай сохнет...

Я огляделся. Бельевых веревок в пещерке, понятное дело, не водилось. Пристроил бермуды и футболку на подвешенный к потолку бочонок, предварительно мазнув его пальцем, не марается ли, а сам вернулся к неугасимому костерку, где был застигнут весьма неприятной догадкой.

Да уж не белая ли у меня горячка? Кто-то допивается до чертиков, а я вот до Стеньки Разина...

Даже дыхание пресеклось.

Нет, чепуха! Сколько мы там приняли на даче? Бутылку на двоих?

Заставил себя резко вдохнуть и обратил внимание, что владелец пещерки поглядывает на меня с веселым любопытством. Следовало хоть что-то сказать.

– Степан Тимофеевич, – брякнул я наудачу. – А может, ну его на фиг, этот ваш казачий говор? Гутарь энту вашу...

Прореживайте ее хотя бы... Я ж слышу: вы и литературной речью прекрасно владеете...

И нечаянно попал, видать, в точку. В вавилонском смешении диалектов нет-нет, а проскакивали вполне себе книжные обороты. Байки-то про Стеньку Разина все слагали: и грамотные, и неграмотные...

Кажется, опять обидел. Фыркнул старик, надулся.

– По-писаному желашь? Ну давай по-писаному...

* * *

Подобно большинству душегубов, строителем Стенька был неважнецким. Персональная землянка его представляла собой так называемый холодный шиш – просто яма, укрытая жердями и плетнем, а сверху – земляной намет. Копал ее Стенька, припеваючи: «Ай, пороем, братцы, ямушки... Ай, поделаем балаганушки...»

В дождь там лило чуть ли не пуще, чем снаружи, еще и с грязью (а вот не припевки играть надо было, а шиш земляной повыше нагрести!). Впрочем, в ту пору, когда они с Ураковым слезли внутрь и убедились в отсутствии Настинной головы, деньки над волжским крутым бережком стояли подряд самые что ни на есть солнечные – пологий бугорок над ямой пропекся до звона, да и глинистое доньшко подсыхало помаленьку.

– Котел-то – почистить не грех... – не зная уже, к чему

придраться, проворчал напоследок атаман – и вылез вон.

Молодой разбойничек хмуро посмотрел ему вослед и, присев со вздохом на кошму, подтянул поближе вместительный медный казан. Чистил, а сам разглядывал три земляные ступеньки, смекая, как же это она сподобилась по ним вскатиться. Скакала, что ли, с одной на другую?

Разумеется, Стеньке и в голову не могло прийти, чем отзовется его пригорелая каша в двадцать первом столетии, когда внезапно оказаченные особи превратят «кашевара» в «кошевара» (того же, считай, кошевого), а закопченный казан его станет символом единства и удали новоявленных станичников. Так и будут молвить: Казачий Вар. Или Казачий Котел. Все, дескать, вместе варимся.

– Что, дуралей? – послышалось из того угла, где лежал плат. – Думал, умней Уракова?

Вздрогнул, обернулся. Вход в землянку был достаточно широк – и дневного света вполне хватало, чтобы разглядеть все в подробностях. Настина голова смотрела на Стеньку из плата не мигая. Личико – сурово.

Стало быть, никуда не укатывалась – просто из виду пропадала.

– Боись его таперича, – недобро предостерегла она. – Таперича он глаз с тебе не спустит...

– Да и шел бы он лесом!

– Да он-то поидеть... А с тобой-то чаво?

– Да, може, я и не хочу в атаманы! – взъерепенился Стень-

ка.

Усмехнулась голова.

– Куды ж ты денисси? – ласково-зловеще спросила она. – Думаешь, я перва твоя встреча? Энто ты моя перва встреча... – Внезапно девичье личико выразило крайнюю досаду. – Дернуло ж меня связаться! Не мог на разбой другой дорогой пойтить? Да и я тоже... Нянькайся с тобой таперича!

– Вернуть тя, что ли? – осерчав, спросил Стенька.

– А и верни! – последовал ответ. – Завтра пошлеть тебе Ураков на промысел – в три стороны велит ходить, а в четвертую не велит...

– Да он завсегда так!

– А завтра, слышь, как раз в четвертую и ступай. Со мною вместе...

– А тебе куды деть?

– В плат сверни да в котомку сунь.

– А спросит, чаво в котомке?

– А ты ему с котомкой-то не показывайси.

Призадумался Стенька.

– Сабельку точить?

– Точи...

* * *

Так оно все наутро и случилось. Разослал Ураков разбойничков в три конца, а четвертый заповедал. «В энту, – гово-

рит, – сторону ни по ногу не шагай!» Стенька, по обыкновению своему, давая перечить, кочевряжиться:

– Чаво енто? Куды хочу, туды иду!

Уставил на него грозный атаман свой мигучий глаз. Чародейский.

– Про Волкодира слыхивал? – вопрошает.

– Не-а...

– Твое счастье, кашевар. А пойдешь в ту сторону – еще и взвидишь, не приведи Господь! Ненадолго, а взвидишь...

– А чаво он?

– Таво! Чуда речная. Броня на ем – как на князе Барятинском, Юрии то есть Никитиче – неразрубная... Как взвидишь – сабельку бросай и сам в пасть к нему лезь! Все меньше хлопот...

* * *

Шли рощей и переругивались. Нет, шел-то, понятно, один Стенька – голова барыней в котомке ехала.

– Чаво идем? Волкодиру в пасть?

– Боисси, недовыросток?

– Дык... Боись не боись...

– Вот и не боись!

На ближней раине, натопырив перья, орала горбатая ворона.

– Нишкни, карга! – прикрикнул на нее Стенька. – Ишь!..

Ворона не унималась.

Волкодир... Кто ж он такой, этот Волкодир? Верно, волк какой-нибудь громадный. А почему тогда чуда речная, если волк? Еще и в броне...

Деревья расступились, и очутился Стенька на обрывистом волжском берегу. Глянул – чуть сабельку не выронил. Такое там лежало, что и впрямь оборони Господь! Взять ящерку, приумножить до верблюда хивинского – как раз оно и получится.

– Энто хто?.. Волкодир?..

Голос от страха пропал – один шип остался.

– Коркодил, – буркнули из котомки. – А в Волкодира это его уж ваши волжские переиначили... по недослышке...

– Дохлый, что ль?..

В котомке сердито промолчали.

Откуда-то свалилась все та же отчаянная ворона, явно целясь присесть на серо-зеленый горб недвижимого страшилища. Но тут что-то шевельнулось, и Стенька заметил наконец рядом с бугристой и вроде бы замшелой коркодилейей башкой саму Настю. Вернее, туловище ее, сидящее на коряге. Скорбно оглаживая одной рукой прижмуренное веко ящера, безголовая отогнала пернатую нечисть. Та шарахнулась, обезумевши.

Сидящая встала и направилась к Стеньке.

Мигом все уразумев, полез кашевар в котомку, достал голову, подал со всем нашим почтением.

Настя приняла ее обеими руками и бережно водрузила на плечи. Обмахнула с шеи следы засохшей крови. Огладила личико, словно бы проверяя, все ли на месте.

– Коркодил... – горестно повторила она. – А было у него еще одно имечко... тайное... Собеказухия. Потому как сам себе указ¹.

Отважился Стенька – тронул эту страсть. Вроде и вправдудохлый.

– Печенези тебе молились, – со слезой продолжала Настя, обращаясь к простертому на траве чудищу, – половцы молились... Татаре Зилантом звали, казаки – Яиком Горынычем... Царство хазарское за грехи утопил, Ростислава-князя под воду утянул... Учугов одних порушил – не счесть... Ни стрела тебе каленая не брала, ни палица железная...

– А чаво ж ен? – опасливо полюбобытствовал Стенька.

– Срок вышел... Годков-то ему, почитай, сколько? Волге с Волховом ровесник...

– А ты-то ему кто?

– Я-то?.. – усмехнулась, приосанилась. – А я вроде как невеста евойная... была.

– А ноне чья?

Вмиг осерчала, глазами пыхнула.

– Ноне – твоя... Чаво мигаешь? Тобе теперь учуги ру-

¹ Настя очевидно путает: себекозухия – действительно род крокодилов, но, во-первых, обитали они в Южной Америке, во-вторых, вымерли сорок миллионов лет назад, в-третьих, все были сухопутные.

шить, царства топить...

– Чаво это?

– Таво это! Перва ты моя встреча, чтоб ты об печь да в черепья!

А была та Настя белесая, светлоглазая – иноземного, чуть ли не варяжского подобия. Здешние-то все смуглявые да чернобровые. Оно и понятно! Что цыгане, что казаки – обличье у тех и у других заемное. У цыган – покраденное, у казаков – нагребленное. В какую сторону уходили в набег, с той стороны и баб привозили. А хаживали обыкновенно к басурманам.

Вот и батька Стенькин Тимофей Разя фамилию себе привез из Крыма. В смысле – жену. Врала, будто турчанка, на самом деле была татаркой, а глаз имела дурной: на что посмотрит – все спортит. Да и трех сынов таких же выпекла, особенно среднего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.